

Михаил ПРИШВИН

«МЫ» И «ОНИ»

1932 год

1 июля. Тысячу лет и больше пересыхало болото, но почему же именно пересохло при мне?

За этот год произошло нечто очень большое, что именно, назвать не могу, но только иначе я стал понимать и прошлое и современность. Раньше (эпоха нэпа: "Кашеева цепь") мне казалось, что из прошлого должно отобраться достойное и на нем вырасти новая Россия. Теперь прошлое просто прошло и новая страна уже родилась и растет.

Смерть одних идет на радость других, и третьи живут как свидетели подлости самого факта продолжения жизни: они видят, как, подчиняясь неизбежности, женщина выходит за другого и мужчины за глазами своей покойной подруги разделяют веселенькие колесца. И так, изменой когда-то любимому, а не во имя любви и осуществления сыновьяго долга переменяется мир.

"Там прошлого нет и следа". И напор этой "жизни" (икры) столь велик, что в этой икре два сорта: 1) зернистая икра — это все охотники жизни, поднятые непосредственно силой любви: это полмира, и другая полмира: 2) икра паусная — люди деловые, занятые добычей средств существования. 1) любят и 2) добывают средства для любви. Большой грех делаться на основе биологии икры пессимистом.

Вот Пушкин... Он же умирает...

29 августа. Основная ошибка Максима Горького в том, что он, высший командир, думает, будто его маневры интересны "для всех". "Ужо тебе, строитель!" Социализм Евгения из "Медного всадника", "Униженных и оскорбленных", последние в первых, всех тружеников науки, искусства, людей, сосредоточенных в себе, замкнутых...

24 сентября. Юбилей Горького.

За спиной Толстого, Чехова, пользуясь их простодушием, прошел этот хитрый самозванец русской культуры. И теперь, когда все покончено с русской правдой и совестью, когда по городам все ходят в лохмотьях, а по весам в редком колхозном доме, даже в праздник, увидишь кусочек сахара, когда маленькие дети там у земли никогда не видят ни баранки, ни сладкого, — наш отец, обедаясь итальянским вареньем, на глазах у всех устраивает себе очередной юбилей. Постепенно Горький как бы сбрасывает с себя гуманный-босицкий одеяния, орех раскрывается, является самое ядро русского хама.

Едва ли на свете какой-нибудь человек при жизни своей обладал такой славой. Настоящая слава распространяется во времени, переходя медленно широкие слои общества по мере их просвещения (Гейне, Пушкин). Горький начал с "ширпотреба" и при жизни своей высосал славу свою из последнего октябренька.

Что же останется? Литературно-третьестепенный писатель, ничтожный публицист и такой же ничтожный оратор.

1933 год.

7 сентября. Прочитал Пушкина "Историю пугачевского бунта" и "Капитанскую дочку". Наконец-то дождался до понимания "Капитанской дочки" и тоже себя: откуда я пришел в литературу. Утверждение мира в гармонической простоте ("мечты и существенное" — сходятся).

Пушкин отсылает своего Онегина и вообще "героя нашего времени" к Пугачеву (Швабрин) и оставляет себе то простое, что есть в "Капитанской дочке". И теперь читаешь и как будто у себя на родине... именно это родина; моя родина не Елец, где я родился, не Петербург, где наладился жить, то и другое для меня теперь археология, а Петербург даже и официальное имя свое потерял; моя родина, непреодолимая в простой красоте, и что всего удивительней, органически сочетающейся с ней добротой и мудрости, — это моя родина есть повесть Пушкина "Капитанская дочка".

1936 год.

20 марта. Искусство всегда Моцарт: ни за что, ни про что. И вечно будет Сальери.

1937 год.

4 февраля. Притянули к Пушкину в "Литературную газету", которую по-прежнему редактирует военный прокурор. Пушкиным я никогда не занимался, потому что всегда казалось, что Пушкин это именно то, что "само собой разумеется".

Спросите, например, о Реомюре, и я скажу, что это термометр, и мне надо как-то чем-нибудь отклониться от привычки, опомниться, чтобы думать и говорить о Реомюре как человеке, изобретателе термометра, и если

Предлагаемые вниманию читателей подборки из дневников Пришвина разных лет объединены присутствием Пушкина в каждодневных размышлениях писателя о жизни.

С началом революции вопрос об отношении личности и власти, личности и общества волновал многих. Но мало кто позволил себе с такой откровенностью — хотя бы перед самим собой — и мудростью ощутить страшный слом эпох. Свою же задачу писатель видел в том, чтобы из "прошлого войти в современность и как бы сомкнуть времена".

Проблематика "Медного всадника" в новом времени нашла воплощение в романе Пришвина "Осу-дарева дорога". Дневниковые записи, сопровождавшие ежедневно работу писателя над книгой, как называл он их — "леса" к роману, может быть, более значительны, чем само произведение. Мысль Пришвина мучительно вызревала на страницах дневника и нашла свое отражение в сменявшихся друг друга эпиграфах к роману, взятых из пушкинской поэмы: "Ужо тебе, строитель!", позже "Да умирится же с тобой и побежденная стихия". Третий эпиграф, который по завещанию Пришвина должен был предварять текст романа, взят из книги псалмов царя Давида: "Аще и во ад сниду — Ты тамо еси".

я, застигнутый врасплох, вынужден что-то сказать о Пушкине, то лучше всего для меня, нелитературоведа, выбрать из своего что-нибудь получше, и когда мне удалось бы найти что-нибудь действительно получше, то там "само собой разумеется" включается Пушкин.

Одна из самых выразительных особенностей восприятия природы, которую все замечали у меня, — это природа в движении, "фенологическая", конечно, происходит от Пушкина, который очень любил сезоны...

Вспоминаю, что именно "Евгений Онегин", роман, написанный так, что автор... дал мне мысль писать "Кашееву цепь" в двух планах: герой действует, а переживания самого в себе этого героя автор судит.

В особенности же в Пушкине близка мне простота, которая ему как будто врождена, а нам приходится ее достигать. Об этой простоте все знают и в то же время очень трудно сказать, в чем именно она состоит, что она значит? Народная простота.

В декадентстве это называлось кляризмом. У Достоевского, для которого пушкинская простота была недоступной звездой, названа целокупностью. Мне это лучше Пушкина... когда я думаю о Пушкине, что художник есть такой человек, который сохранил в душе своей себя как ребенка и может по своему желанию смотреть на мир тем первым младенческим взглядом и потом пропустить свой материал через всю сложность взрослого мыслящего человека. Чем больше сохраняется этот младенец, тем больше в творце простоты, целокупности, ясности. Я не говорю, что литератор должен быть прост: Гоголь, Достоевский не простые писатели, а гениальные, но и Гоголь и Достоевский с наслаждением забросили бы всю свою гениальность, если бы могли. "Я" Пушкина — это "мы" и мне хочется говорить от своего имени без стыда, надо учиться у Пушкина простоте.

11 февраля. Двойной человек у нас внутренний, про себя думает, а наружный говорит то, что ему велит. Возникает вопрос о том, кто же из них есть настоящий человек. Сейчас приходит в голову, что внешний-то и есть настоящий человек, а другой как внутренний враг. Как будто коммунизму, вернее, в его нынешней практике внутренняя жизнь человека есть нечто враждебное, подлежащее ликвидации.

В наше время, когда вся масса людей должна быть обработана для коммунизма, этот внутренний человек как реальность есть действительно интеллигентский бред. Сейчас внешнего полируют Пушкиным.

Во всяком случае внешний человек — каким надо быть, а внутренний — каким каждому в отдельности хочется, должны каким-то образом развиваться. Внутренний содержит в себе разлом, внешний — ложь.

Кто-то по радио отбарабанил, кажется, Косырев, что Пушкин со своим гением и есть самая действительность, то именно, что надо и очень надо удивляться, почему так мало гениев.

17 февраля. Почти решил проявить себя на пленуме (4 слова нрзб) с целью окончательно выяснить, есть ли какие-нибудь перспективы литературной работы или до каких-то перемены надо отложить попечение. Не от самих троцкистов была некоторая свобода в литературе, а от столкновения течений политических, не имеющих прямого отношения к литературе. Теперь будет одна дудка — это раз, второе — что Горького нет, с которым несколько стеснялся, теперь вали: по-моему, весь пленум должен выпиться в Пушкина.

19 марта. Если взять словесное искусство, то Пушкин-Толстой характерны радостью жизни, которой закрыта личная трагедия: мы видим готовую вещь, совершенством которой закрылась личная трагедия мастера. Напротив, у Гоголя, Достоевского природа, счастье и вся жизнь планеты и вселенной существуют как среда и условие страдающей личности.

15 июня. Если кому-нибудь нечем жить, то он хватается за внешнее: Печорин за княжну Мэри, Онегин за Татьяну, а большевики за власть.

9 августа. На днях читал в "Правде", что из Александров-Невской лавры сделали "Некрополь" и свезли туда могилы замечательных людей: Чайковского, Даргомыжского, художников, поэтов. Но среди замечательных людей не было, например, имени Пушкина, значит, Пушкина тронуть не посмели. Правда, как тронуть могилу, если покойник отпел? Неужели же их теперь отпевали? И еще хуже, если прошло сто лет и могила стала подробностью ландшафта? Мерзость эта вскрывает силы, которые повертывают все революцией вспять: это силы могучих неповинных мертвецов, которых толпа по невежеству оскорбляет вместе с живыми мертвыми, действительно виновными в том, или другом.

10 октября. Всякий талант неизъясним. (Пушкин. Египетские ночи). 19 октября. У Пушкина говорят о двух единственных ценностях: воля и покой.

1938 год.

7 января. Рождество.

Слух о Кольцове — председателе Союза писателей. И это возможно, и это будет концом и это надо будет перенести: ... журналист, хроникер станет на место писателя. Впрочем, о чем я тоскую? Все же это Калифы на час. Надо благодарить, что дали народу Пушкина, усвоит Пушкина, а председатель тогда настоящий сам явится.

23 марта. Мысль о том, что дух не работает, открыто сказать нельзя (углубить Моцарт и Сальери)...

31 марта. Вся жизнь одна ли, две ли ночи... Пушкин.

Большаков давно умер, но помню, в дороге с ним, ехали в тоске, он в своей, я в своей и друг другу, кроме пустых слов, сказать было нечего. Впрочем, и о любви обмолвились.

— Да были ли ножки-то? — спросил он.

— Были, конечно, — ответил я поспешно, — конечно, были.

— То-то, — сказал он.

И мы опять замолкли. И мне стало худо: ночек-то ведь не было.

И сколько лет прошло с тех пор, и все их не было, и так я и остался без ночек.

Теперь приятно жизнь описать: интересная вышла жизнь! Да, конечно, интересная: столько событий видел я между кончиной царя Александра II и правлением Сталина.

И вот это пустяки, раз ничего не было, не стоит описывать.

4 апреля. Я, конечно, в конце концов, верю в себя, который не унижится и выйдет невредимым из всякого унижения. В конце концов, да! Но я страшно имею постоянный перед унижением, и это ослабляет мою силу и подавляет возможности: мне всегда кажется, что сделанное мною ничтожно, а при счастливых условиях я бы мог сделать в тысячу раз больше. А вот Пушкин был счастлив.

8 апреля. Вооруженное восстание офицеров (Николай I): пять человек повешены, и Пушкин чуть с ума не сошел от гнева ("Про-

рок"): что же было делать Николаю?

Говорят: обмануться, но, может быть, на самом деле это значит как раз очнуться от сна, который называется правдой.

Иначе, как объяснить иллюзии и сны о свободе Пушкина в отношении их к "правде" царя Николая I: разве как глава государства Николай был неправ, что он казнил пять человек из офицеров, выступивших с оружием в руках против государственного строя, который обязаны были защищать? И тем не менее мы сочувствуем до сих пор Пушкину, потрясенному той казнью, назвавшему того достойного царя убийцей. И особенно остро это сочувствие поэту в наши дни, когда врагов государства убивают непрерывно и сотнями тысяч отдают в рабы. Где же правда, где же сон?

И на обломках самовластья...

Именно вот теперь, как будто, наконец-то, и выступает правда и необходимость власти — правда Николая I, казнившего пять декабристов и эфемерность "свобод" Чернова (селянского министра), Бухарина, Разумника. Но Пушкин?

Все теперь против своеволия: например, в колхозе — не рыбу ловить, а для себя... пол-литра — это "я", колхоз — это "они" (но никак не "мы"). А надо сделать из "они" — "мы", "они" — большевики и "мы" — пол-литра и песенка. Мы пьем и поем — Пушкин и есть пол-литровка и песенка — это есть жизнь в лицо...

Быть самим собой, и в этом образовать "мы", и никогда не подменять этого "мы" тем "они". Пушкин — это "мы". Николай, Сталин — "они".

Свобода — это я-мы, необходимость — "они" или "он" (власть).

Правительству мало налога, ему хочется души (не "они", а "мы"), и вот готова инсценировка души — душа истинная спряталась в бутылку.

Ныне душа русского человека в бутылке: вино — реализация скрытой души, а для государства питательный доход. И если бы перелить удалось поэтические творения, чтобы их пить, это бы стало питательным доходом.

1939 год.

30 января. Потихоньку, про себя я уже который год разрабатываю одну и ту же тему "Медного Всадника": "дело из разума" — есть Медный Всадник; дело из сердца — личность, есть Евгений.

31 января. Большая Волга, Большое дело, Медный Всадник — в понятие Большое входит и жестокое, как будто большим делом оправдывается жестокость.

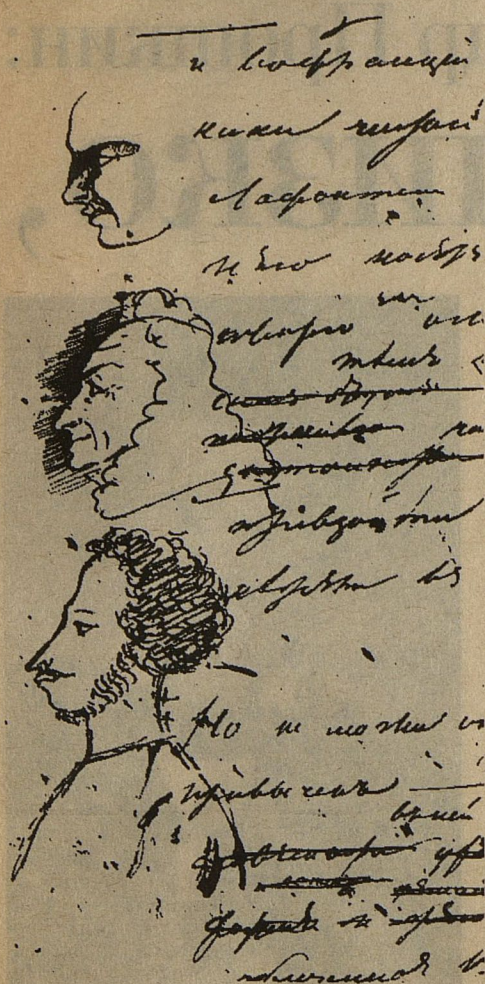
"Большое дело" есть и отвлеченное дело, так как оно складывается из малых дел, путем уничтожения их особенностей.

16 июня. Это драма Медного Всадника, то есть, что "гигант", как фактор истории, больше человека и в смысле обязательств к единственной и неповторимой человеческой личности он свободен (бессознателен).

25 июля. То ли пчелы, то ли пионеры, но дума сейчас вертится о "Весь человек", в том понимании, что "Весь" — это важно, а отдельность имеет значение лишь в отношении к "Всему" (вот только что расправились с интеллигенцией, с крестьянами-индейцами, а в пионерских лагерях вырастает другая молодежь)... Так что если стать в управление, то Весь человек рассматривается совершенно как улей. А Евгений тогда является такой же непонятностью, как сокровенная жизнь пчелы.

16 сентября. ... Но для кого это все нужно,

Экран и сцена

для кого я все это открываю, тружусь, кого я могу убедить, если ни Шекспир, ни Данте, ни Пушкин не могли убедить, и с ними теперь не считаются?

1941 год.

17 июня. ... В чувстве жизни есть непостижимое для разума противоречие, знать, что все люди смертны, все умрут, а о себе чувствуешь, будто я в отличие от всех как-нибудь проскочу и миную неминуемую беду. Так и в чувстве современности, для разума, как кажется так ясно, что современное, положим, эпохе Пушкина не может быть современным эпохе социализма, но чувствуешь, будто современность пройдет, а я как-нибудь с Пушкиным через неминуемую смерть проскочу.

9 июля (17-й день войны). Знойно безоблачное небо. Рожь начинает стеблем светлеть, цветущий легкий колос все еще тянется вверх, но от ветра начали уже ходить волны. Н сказал: — Патриотизм. Да ведь это же шкурный интерес масс, их кровные родовые интересы, что тут хорошего?

— Нет, это не только кровные интересы, тут на помощь им приходят бессмертные мертвецы. Пушкин с нами, преподобный Сергей Радонежский, св. Серафим — вся родина участвует в борьбе, все мы.

— Но ведь и у тех, у немцев вся родина, и у англичан вся родина с Шекспиром. Как же понять эту борьбу?

— Как суд Божий. Мы сделаем все, чтобы победить.

— Хорошо, но лучшее побеждает, победив, ложится в могилу. Пушкин, Шекспир, Гете и лучшие юноши из живых, а те, худшие, мертвые существа, "эвакуированные" на время войны, появляются и пожидают плоды победы.

— Вот против этого идеал фашизм с "лучшей расой" и коммунизм с идеалом труженика... Обе идеи в борьбе уничтожат друг друга и восторжествует еврейский капитал.

Тревога идет к нам из Москвы и несмотря на отнюдь не утешающую сводку, постепенно охватывает всех, и все только и думают, куда бы им убежать.

Подлость не ветер, она веет сквозь леса, не шевельнув ни листиком, ни былинкой. Все началось так благопристойно под предлогом эвакуации государственных ценностей, а потом с этими ценностями стали утекать и те, кто самих себя считает за ценность, и пошло, и пошло, и до нас докатилась эта волна, и каждый, не изменяя наружному спокойствию, затрясся внутри себя, как осиновый лист.

5 сентября. Эти местные люди, ожидающие от немцев вроде бы суда над неправдой большевиков, напоминают кустарей, переносивших свои личные моральные понятия на Большую историю, как изображено в "Медном Всаднике".

Этот моральный конец большевизма ожидали через три дня после Октября и так по сих пор ожидают. Не спорю, возможно, что конец и подходит, но только не по тем мотивам, о которых думают личники (обыватели), и не по тем, которые приводят политики, потому что как начало, так и конец непознаваемы.

Правда, разве можно считать, что случайность, безликие морозы были концом Наполеона?

Почему не сказать, что дело Наполеона продолжается и будет продолжаться до конца, как и наше личное дело нами начатое, продолжается поверх нашей личной смерти от рака, гриппа или катара. Наша индивидуальная смерть чрезвычайно редко совпадает с концом дела всей нашей личности или торжеством нашего бессмертного начала.

Нет, я не могу предвидеть ясно настоящего морального конца в этой борьбе народов и свое трепетное ожидание большого Конца, как большого и последнего Суда, передаю, мой друг, тебе, если ты останешься жить после меня.

Так и прими это, что не переживу этой борьбы народов до ее морального конца, ты же подвинешься туда ближе, и я, зная неминуемый конец мой, поручаю себя твоему продолжению.

Меня мучит, друг мой, что я уйду из жизни, не сказав какого-то необходимого слова. Нет, я, конечно, не знаю того большого человеческого Слова, которое как поперечная линия пересекает линию Природы. Я не о том большим Слове говорю, а как Евгений или кустарь лелею в себе право и необходимость сказать слово такое, будто я знаю моральный смысл всего неморального для нас, миллионов существ, потока мировых событий. Мне хочется этим своим писанием создать для тебя, плывущей на лодке по океану, возможно, непризрачный остров достоверности...

19 ноября. Теперь даже один наступающий день нужно считать как все время. Никто и никак теперь не может сказать, будет ли за этой жизнью в Усолье какая-нибудь другая благополучная.

Да если бы оно и пришло то благополучие, то все равно эти дни Суда всего нашего народа, всей нашей культуры, нашего Пушкина, нашего Достоевского, Толстого, Гоголя, Петра Первого и всех нас будут значительней тех будущих дней...

1942 год.

9 марта. С детства мы говорим "народ" как что-то священное и много перевидали подвижников и мучеников за народное дело, за его землю и волю. Только теперь начинаю понимать, что этот народ не есть какой-то видимый народ, а сокровенный в нас самих подземный, закрытый тяжелыми пластами земли огонь, и что это не только мужики и рабочие, и даже не только русские люди, как Пушкин, Достоевский, Толстой, а общий всему человеку на земле огонь, свидетельствующий о человеке, продолжающем начатое без него творчество мира. Только и чувствуя, и зная в себе самом этот огонь, можно теперь жить и надеяться.

11 августа. Видел во сне, будто собираю от разных лиц пропуски. Приходит Пушкин, смотрит на них и большую часть рвет. "Оставьте, говорит, — вот только этот, с этим пропуском". После того спокойно и долго беседуя с ним и между прочим рассказываю ему, что геройский выстрел его в Данте-са вначале как-то мало обращал на себя внимание общества и только теперь стали понимать его, как пример высокого мужества.

1943 год.

9 апреля. Моцарт и Сальери. Есть в искусстве что-то несовместимое с религиозным подвигом, потому что подвиг есть дело, то есть, труд, а необходимое "нечто" в искусстве предполагает независимость от дела, от труда. Конечно, и в религии дело подвига — борьба, страдание — оканчивается радостью воскресения, но все-таки в религии у святых их радость есть заслуга.

В поэзии подвиг (заслуга) необязательны (Моцарт), в поэзии именно "дух дышет, где хочет". Религиозный подвиг есть копилка слез — наполнишь полную и слезы превратятся в вино. А в поэзии слезы допускаются, как личная интимность, которую особенно тщательно надо скрывать. Поэзия в личности поэта может быть подвигом, но сущность поэзии есть божественная игра, выражаемая в заповеди "будьте как дети". Милость Божия, посылаемая людям в поэзии, есть именно корректив религиозному подвигу, требование высшего смирения перед щедростью и перед безмыслием (иррациональностью) Божественного творчества.

13 сентября. По приезде в Усолье впопыху в материалы Падуна и начну работать на ходу...

Центральная мысль — это "да умирится же с тобой и покоренная стихия", то есть, творчество мира.

13 октября. Был на конференции Союза писателей. Открывали съезд два плута: Толстой и потом Тарле, речи были на высшей ноте — патристической и национальной. Тарле, увлеченный военным маршем, прославлял "Капитанскую дочку", как образец исторического романа на весь мир. А что у "них"? — спрашивал он и отвечал: "У них Фейтвангер, упустив из виду, что у них был

Вальтер Скотт, и что сам Пушкин в "Капитанской дочке" признавал себя учеником Вальтера Скотта.

Толстой говорил, что у нас в литературе сейчас замешательство, как в 18-19 гг. и что это скоро пройдет, и что необходимы новые формы, и это должны сделать критики.

— Не рождается Белинский — надо его сделать. Надо в музее Горького посадить высоких спецов по литературе и они будут судить строго произведения писателей, а писатели суда их — бояться, пусть у писателей будет страх Божий (так и сказал, только потише и в сторону).

7 ноября. Толстой сутки тому назад получил приглашение на прием в Кремль с указанием на повестке: мужчины во фраках, дамы — в балльных платьях. Шишков мне шепнул: — Обидели нас стариков. — Меня нет, — ответил я, — искренне говорю: не заслужил.

Историческая справка: был ли кто после Пушкина из писателей на приеме при дворе?

Толстой был в эмиграции, с ним были Бунин, Ремизов, Мережковский — все очень умные, очень образованные и очень любящие свою родину люди, но почему только один Толстой догадался вернуться на родину и один из всех выжил и сохранился писателем? Ответ ясен: выживают не лучшие.

1944 год.

16 февраля. На полках у меня стоят книги двенадцати русских мудрецов, сумевших столетия связать между собой, а некоторые, хочешь верить, свяжут и тысячелетия. Я преклоняюсь перед хозяевами мысли моей и, когда, в добрые часы, хорошо прочитав Пушкина, возвращаюсь к жизни нашего поселка, то каждое живое лицо мне показывается в связи со всем... (к "Повести нашего времени").

19 июля. Под вечер стих ветер, солнце за озером, припугнувшись, глядело красным глазом.

— Александр Васильевич, — сказал я, — приехал я к вам сюда по старинной дороге, обсаженной старинными березами, куда ведет эта дорога?

— А вот, она ведет под воду, глядите.

И указал на эти старые березы у самой воды.

— А на другой стороне озера, глядите туда, видите? выходит из воды и продолжается. Дорога была затоплена.

И с ней вся тысячелетняя, а может быть, да и наверно еще много глубже во времени, вся жизнь человеческая.

Село называлось Проскурово, как в Дубровском. Вот и церковь была, теперь развалина. Взорвали в 31-м году ни для чего: железно и сейчас так лежит. Кладбище осталось неприкосновенное, вода подымается, подмывает... нет-нет, и увидишь, как по воде гробик плывет.

Да и мало ли чего! На обыкновенном озере лодку поставишь, она и стоит себе, а здесь вода самая тихая, а лодка уйдет, да еще и так: сегодня в одну сторону, а завтра в другую. Сегодня берется за одно: размывает этот песок, а завтра это бросит и начнет с другой стороны.

— Это озеро все из слез человеческих.

— Но так ведь и вся земля, и все мы живем на кладбище.

— Пусть! Там же тысячи и миллионы лет проходит, а тут все было в 31-м году. Там все успокоилось, здесь все бродит: то лодки ушли в неведомую сторону, то откуда-то гроб приплыл.

— Ну, а как эти кулички, эти трясогузки? — Разве их поймешь? С виду все такие же, кулички, как кулички, но так ведь и все озеро самое настоящее, а взглядишься...

— Только что сам сделаешь, только и радуешь тебя, и в этом только и чувствуешь ты себя свободным. Согласен, Александр Васильевич?

— Совершенно с вами согласен.

— Так чего же долго думать о свободе и о путях к ней: свобода таится в себе самом, и путь к свободе старинный: познай самого себя. Согласны, Александр Васильевич?

— Вполне согласен, но вы, видите, тоже старинный путь был по тем березкам, и нате вот: ушел под воду и все, кто шел по нему, остался под водой. И мы на этой воде, на их слезах плывем теперь на лодочке и рассуждаем о свободе. Правда ваша, конечно, свобода в себе, но ведь они тоже так думали, жили, догадывались, выдавали дочерей, женились, и вдруг нате! неправильно! Идите рыть канал. И весь их старинный путь ушел под воду. Как с этим помириться, как соединить Ленинград с Петром и градом Петров с бедным Евгением и как согласиться с пожеланием Пушкина: — Да умирится же с тобой и покоренная стихия!

Это искусственное озеро слез, из которого пьет воду вся Москва, эта покоренная стихия про себя никогда не мирится, и если выйдет тихий вечер, как сегодня, то нельзя верить даже и такой тишине, и доверять лодку воде, оставь ее без привязи — и лодка уйдет, и ты догадаешься, что стихия ничуть не умирится, а только переживает и втайне действует.

1946 год.

9 декабря. Вечером была Н с мужем. Страшный разговор о лагерной жизни. Узнал, что Петр ехал по Осударевой дороге, а за ним везли виселицу, а Пушкин: "Да умирится же с тобой" и "Красуйся, град Петров".

Урок: фокус вещи или главный план — чистота души Зуйка, как вообще смысл таких катастроф есть рождение новых личностей, сосредоточивающих в себе смысл события. На Пушкина надо смотреть.

13 декабря. Как мог Пушкин, заступаясь за Евгения, возмечивать Петра? Как это можно так разделить себя? Но, верно, надо быть очень богатым душой и мудрым, и это состояние духа похоже на "любви врагов своих". И вот только, если "я открою в себе большое чувство, — я напишу свою сказку "Царь природы".

1947 год.

15 мая. Вчера приходила Нина Емельянова со своей книгой об Уссурийской тайге, и мне стало ясно из разговора с ней, что Союз советских писателей есть учреждение небывалое и нельзя к нему подходить с точки зрения этики старого русского писателя.

Это министерство слова, своего рода фабрика, перерабатывающая сырой материал слова, нечто вроде хлопка, в полезную для государства материю, вроде ситца. ССП — есть фабрика переработки свободного слова в полезное для государства дело. Значит, надо покончить с этим постоянным раздражением в отношении писательской общечеловечности. Надо помнить, что личность писательская прежнего времени ничего не имеет общего с "инженерами душ" нашего времени: вот Симонов — это типичный инженер...

Шахов сказал мне, что "Черный араб" сейчас бы не напечатали...

А если возвращаетесь к "Черному арабу", то лучше возвратитесь к Пушкину: явись сейчас Пушкин, Толстой, Достоевский, Чехов — никого бы не напечатали.

1950 год.

27 апреля. Был опять бухгалтер-поэт Вас.Пав.Сахаров. Я ему ласково сказал, что школа поэта содержит в себе два класса: первый посвящен усвоению поэзии его предшественников, второй — выступлению поэта от своего лица с тем, чего еще не бывало на свете.

Он, Сахаров, находится в первом классе и пишет под давлением Пушкина и Некрасова, их стихами, предлагая нам известные вопросы современности. И сказал еще в заключение: пока нет еще поэта Сахарова и пора ему выступить от себя.

На это Сахаров сказал, что все писатели, от Горького до Шолохова говорили ему то же самое. Но он с этим не согласен: во-первых, он выполняет все по завету Белинского, во-вторых, на войне у солдат стихи его имели большой успех. И, наконец, он так предан своему делу...

Сахаров — это дитя школы Горького, полагавший, что в каждом есть талант и при усердии каждый может быть поэтом. Из этой школы вышла трагическая обезьяна, возманившая себя человеком (Сальери, убивший Моцарта). Не тот же ли самый обезьянизм или сальеризм из политики стирает теперь, как утюгом, в нашей стране поэзию?

22 марта. Вчера на выступлении и хорошо было, что хорошо принимают, и плохо, что один из всех пришел с качеством, а все с количеством "грамотных мастеров". Но мои слова о поведении против мастерства были сказаны крепко. Мое дело сказать, но выбить из голов их бедных расчеты на массовое воздействие — не выбьешь. Они уверены, что если посредством премий заставить массу людей заниматься литературой, то количество литераторов перейдет в качество, и явится не один Пушкин, как при царе, а много.

В общем не так это вышло, что мастерство вызвало из меня слова о поведении: назревает крах этой затее механизации Пушкина и посева гениев.

1951 год.

24 марта. Был у нас Пушкин и остается единственным. Коммунист понимал это так, что оставался единственным потому, что весь большой народ был неграмотным и возможные второй, третий, десятки Пушкины оставались и проходили по жизни неведомые. В чаении новых Пушкиных включили весь народ и отметили премией всякий талант. Но Пушкина нет.

Подготовка текста
зав.музеем М.М.Пришвина
Л.А.РЯЗАНОВА